

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ


УДК 811.161.1'42:811.161.1'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-006.23
DOI 10.26170/pl20-03-01


ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

В. Н. Базылев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8952-9485 

 **E-mail:** v-bazylev@inbox.ru.

Эротический автопортрет на фоне Кремля: Александра Коллонтай

АННОТАЦИЯ. *Статья написана в продолжение серии публикаций о советских политических деятелях. Она продолжает серию психополитического анализа автопортретов той эпохи. Предыдущие статьи автора были посвящены таким партийным и государственным деятелям, как Лазарь Каганович и Никита Хрущев, Леонид Брежнев и Михаил Горбачев, Андрей Громыко и Кирсан Илюмжинов, Леонид Кучма и Аскар Акаев. Данный материал посвящен ответу на вопрос, почему пропагандистский и художественный дискурс А. Коллонтай перестает быть идеологически и политически востребованным именно в 1922 году. Типовые комментарии в биографиях А. Коллонтай содержат следующие объяснения: простая констатация факта — «наступление на А. М. Коллонтай и ее идеи началось в 1923 году» либо указания на последствия дискуссии о профсоюзах с участием А. Коллонтай в так называемой рабочей оппозиции. Ни то, ни другое, с нашей точки зрения, не объясняет лингвокультурную ситуацию. Гипотеза и результаты исследования свидетельствуют, что идеологически востребованный образ новой советской женщины, которую А. Коллонтай «рисовала» с себя, опредмечивая свой автопортрет, входит в противоречие с новой идеологической политикой советской власти, находящей свое выражение в новом Уголовном кодексе и новом Кодексе о семье.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *автобиографии политиков; автобиографические материалы; художественно-пропагандистский дискурс; политический дискурс; лингвоперсоналогия; новая мораль; речевой портрет.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков им. Мориса Тореза, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: v-bazylev@inbox.ru.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Базылев, В. Н. Эротический автопортрет на фоне Кремля: Александра Коллонтай / В. Н. Базылев // Политическая лингвистика. — 2020. — № 3 (81). — С. 12-22. — DOI 10.26170/pl20-03-01.*

А. Вайль заметил, что «советская идеология, захватывая хорошие слова, присвоила себе любовную лексику <...> как в советском анекдоте об уроке полового воспитания: есть любовь мужчины к женщине — об этом вам знать еще рано, есть любовь мужчины к мужчине — об этом говорить стыдно, поговорим о любви к партии» [Вайль 2011: 68]. Огромное количество небольших по объему брошюр, написанных А. Коллонтай «о любви» до середины 20-х годов — о любви мужчины и женщины, о «любви втроем», о любви к партии, — это не только некий свод представлений новой политической силы России, партии большевиков, об основополагающих понятиях нравственности, морали, пола, семейных отношений. Это, не в меньшей степени, автопортрет видной общественной деятельницы первой четверти XX в., на котором легко прочитывается та система ценностей и идеалов, в соответствии с которыми предполагалось строить новое общество. В нем все должно быть иным, новым по сравнению с дореволюционным временем. В том числе женщина, ее роль и функции. В 1918 г. А. Коллонтай напишет: «...опору женщина должна

научиться искать в другом месте, искать и получать ее не от мужчины, а от коллектива, от государства. На месте прежней семьи вырастает новая форма общения между мужчиной и женщиной: товарищеский союз двух свободных, зарабатывающих, равноправных членов коммунистического общества» [Коллонтай 1920а: 4]. Все, написанное А. Коллонтай о «новой любви», — это не только документальные свидетельства эпохи, но и определенный ключ, объясняющий истоки многих морально-психологических и социальных проблем советского и постсоветского времени.

О самой А. Коллонтай, правда, написано было немало — и у нас, и за рубежом. Писали по-разному, в зависимости от идеологической конъюнктуры эпохи: патетически официально, как о славной большевичке и первой советской женщине-дипломате, биографически нейтрально со всеми подробностями личной жизни, наконец, скандально-разоблачительно, как о валькирии, блуднице революции и куртизанке [Иткина 1970; Ицелев 1987; Соколов 2014]. При этом авторов мало интересовал вопрос, почему в ее биографии переломным стал именно 1922 год.

© Базылев В. Н., 2020

В научной литературе присутствуют два типовых объяснения: простая констатация факта без интереса к причинам этого биографически важного события либо указание на связь с так называемой дискуссией о профсоюзах, развернувшейся после выступления Л. Троцкого, и участием А. Коллонтай в так называемой рабочей оппозиции. Ни то, ни другое, с нашей точки зрения, не является достаточным для объяснения ситуации.

Поэтому читать А. Коллонтай нужно и на фоне читательских ожиданий своего времени, и на фоне постоянно меняющейся, ищущей и мятущейся между новым и старым политики и идеологии «кремлевских мечтателей», как вслед за Г. Уэллсом можно назвать не только Ленина, но и Троцкого, и Сталина, и саму Коллонтай. Читать ее надо на фоне целой серии кремлевских контекстов. Читать ее надо, помимо прочего, для того, чтобы ответить на вопрос, почему пропагандистский дискурс о «новой любви» так неожиданно прерывается в публицистическом и художественном творчестве А. Коллонтай после 1922 года. С точки зрения исследования советского политического дискурса это представляет интерес, так как интертекстуальность этого события, в чем-то частного и сугубо личного, выводит нас на иной уровень понимания советского идеологического дискурса пореволюционной эпохи.

КОНТЕКСТ БИОГРАФИЧЕСКИЙ

Александра Михайловна Коллонтай (1872—1952) в той части жизнеописания, которое представляет для нас тематический интерес, вопреки воли родителей выдать ее замуж за адъютанта императора, вышла за дальнего родственника, выпускника Военно-инженерной академии, бедного офицера Владимира Коллонтая. Через пять лет она оставила мужа и сына, чтобы участвовать в революционном движении. Л. Млечин приводит фрагмент ее дневника: «Я хотела быть свободной. Маленькие хозяйственные и домашние заботы заполняли весь день, и я не могла больше писать повести и романы... Как только маленький сын засыпал, я шла в соседнюю комнату, чтобы снова взяться за книгу Ленина» [Млечин 2013: 273]. В 1905 г. она познакомилась с В. И. Лениным. Во время Первой мировой выполняла его специальные поручения. В Россию вернулась после Февральской революции. Лично от Ленина получила пост народного комиссара общественного призрения в первом составе Совета народных комиссаров. При наркомате создала Отдел по охране материнства и младенчества и Коллегию по охране и обеспечению материнства и мла-

денчества. Стала инициатором создания и заведующей (все до того же 1922 г.) женотделом ЦК РКП(б), целью которого была борьба за уравнивание в правах женщин и мужчин, борьба с неграмотностью среди женского населения, информирование о новых условиях труда и организации семьи.

Так Кремль стал фоном всей ее жизни. Она много писала пропагандистских просветительских брошюр в стилистике того времени: «Как борются работницы за свои права», «Новая женщина», «Новая мораль и рабочий класс» [Коллонтай 1919а; Коллонтай 1919б; Коллонтай 1920д]. Именно эти пропагандистские брошюры, художественные по формату и пропагандистские по своей задумке и исполнению, повести и рассказы образуют для нас корпус исследовательских материалов. Поясним: вне зависимости от того, когда они были созданы по времени (многие из них были в первом варианте написаны еще до революции 1917 г.), важно то, что они массовыми тиражами печатались, переиздавались и распространялись уже в пореволюционную эпоху.

Еще раз укажем на следующую принципиальную для нашего исследования дату — 1922 год. Дата эта связана была не столько, как мы покажем далее, с «дискуссией о профсоюзах» в 1921 г., после которой А. Коллонтай была отправлена в своеобразную политическую ссылку до конца жизни, на дипломатическую работу, и тем самым исключена из активной «кремлевской» деятельности. Связана она была, скорее, с тем, что дискурсивный вакуум о сексуальности в Советском государстве, возникший после революции, наконец-то заполнился. В 1922 г. выходит первый большевистский Уголовный кодекс, на который в дальнейшем при минимальных изменениях будет ориентироваться позднеленинско-сталинский кодекс половой этики. После этого литературно-пропагандистская деятельность А. Коллонтай по созданию образа женщины нового типа, предполагающая воссоздание в ней автопортрета, перестает отвечать потребностям советского общественного строя. Кремль начинает «рисовать» иной фон общественной жизни. Интеллектуальный и идеологический фон, на котором жила, работала и «рисовала» себя А. Коллонтай, начинает меняться.

КОНТЕКСТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ

Будем объективны и непредвзяты. Не большевики в 1917-м, не пресловутый Серебряный век русской культуры, не российская интеллигенция начала XX в. начали расшатывание института брака и семьи. Вспомним хрестоматийные строки из грибо-

едовского «Горя от ума»: «Княгиня. Нет, в Петербурге институт // Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут: // Там упражняются в расколах и в безверьи // Профессоры!! — у них учился наш родня, // И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи. // **От женщин бегают, и даже от меня!** // Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник, // Князь Федор, мой племянник» (д. III, явл. 21) [Базылев 2019].

Однако в обыденном сознании советского и постсоветского человека до сих пор проповедь новых моральных принципов и свободной любви, воззрений на семью и брак, помимо прочего, связывается с именем Александры Коллонтай. Это не совсем так. Об этом и после А. Коллонтай говорили многие. Например, Надежда Мандельштам пишет откровенно: «Я не понимала разницы между мужем и случайным любовником и, сказать по правде, не понимаю и сейчас... Мне иногда приходит в голову, что мое поколение напрасно разрушало брак, но все же я предпочла бы остаться одной, чем жить в лживой атмосфере серой семьи» [Мандельштам 2013: 78]. Вспомним: советская власть прибавила к эмансипации женщин физическое изъятие мужей и отцов — призыв на войну, на восстановление хозяйства и пр., а с ним и моральное обоснование иных воззрений на брак, семью и детей.

Брошюры А. Коллонтай, если ограничиться российским интеллектуальным контекстом первой четверти XX в., пронизаны сквозной темой — темой «про это». Именно так назовет свою поэму В. Маяковский, начавший писать ее в декабре 1922 г. и закончивший в феврале 1923 г. Обратим внимание на даты. С поэмы В. Маяковского «про это» началось преодоление всего российского интеллектуального наследия «новой любви»: В. Шкловский откроет полемику с В. Розановым на фоне публикации переписки Л. Толстого с женой; к 1922 г. в интеллектуальной атмосфере оформляется ирония по отношению к идеям Л. Карсавина — в журнале «Красная новь» выходит статья под заголовком «Кафедральная эротика»; в том же 1922 г. состоялось отплытие «философского парохода». Еще один фрагмент микроинтеллектуального контекста — это контекст литературных утопий. В нем, уже не актуальном для советской власти и общества начала 20-х, между «Философией общего дела» Н. Федорова и «Предполагаемым государственным устройством в будущем» П. Флоренского (он напишет его уже в застенках НКВД) весьма несвоевременным окажется фантастический рассказ А. Коллонтай «Скоро (через 48 лет)». Действие рас-

сказа происходит 7 января 1970 г. Ячейкой нового общества является «коммуна». Семья уничтожена, а жилищный вопрос разрешается по казарменному типу: «...живут не семьями, а расселяются по возрастам. Дети — в „Дворцах ребенка“, юноши и девочки-подростки — в веселых домиках, окруженных садами, взрослые — в общежитиях, устроенных на разные вкусы, старики — в „Доме отдохновения“» [Коллонтай 1922: 5—6]. Вопрос о том, откуда берутся дети, остается за рамками рассказа-утопии.

Мы говорим — несвоевременно, так как именно в этот момент из Кремля прозвучит разрешение на сатирическое отображение, прежде всего в кино и на сцене, искажений в понимании семьи и брака. «Деятели культуры» откликнутся на это «Мандатом» Н. Эрдмана или «Зойкиной квартирой» М. Булгакова. Чуть позже шквал сатиры завершится «Клопом» В. Маяковского. Сатирой на бездетные браки, в том числе. Эти вещи известны. Но было много вещей «проходных», на злобу дня, актуальных только в ту конкретную эпоху. «Хочу ребенка» — так называлась пьеса драматурга и поэта Сергея Третьякова, в которой гротескно представлено желание некоей Милды, агронома, родить ребенка, не вступая в брак. Пьеса, правда, не была поставлена, так как после читки она была признана чересчур физиологической, а публика была признана не готовой к ее правильному восприятию.

Смена дискурсивной практики в интеллектуальном аспекте завершается пародией — разрешенной пародией. По мнению М. Н. Золотоносова, таковым можно считать «Антисексус» А. Платонова. По его словам, это пародия и на сексуальные теории ранних пролетарских идеологов, и на многочисленные брошюры, среди которых, безусловно, выделяются брошюры А. Коллонтай, и на упомянутые выше социалистические утопии, и намеки на сексуальное поведение Маяковского, Брика и Шкловского, Авербаха, Гроссмана-Рощина, и конечно же на сексуальные прецеденты в рядах партийцев вплоть до ЦК ВКП (б), символами которых выступают Осинский и Землячка [Золотоносов 1999: 472, 494].

За всем этим, как фон, вставал Красный Кремль с его непоследовательной культурной политикой. В том же 1922 г. Ленин напишет статью «О значении воинствующего материализма». В ней он, напомним, обращается к проблеме распада семьи. Год спустя дело безнадежно к тому времени больного Ленина попытается продолжить Троцкий. Брошюра Л. Троцкого о новом быте вышла в 1923 г. Вот какие проблемы в комму-

нистической семье видит Л. Троцкий: «Муж-коммунист живет активной общественной жизнью, растет вместе с ней и в этом находит смысл личной своей жизни. Но и жена, коммунистка, стремится принять участие в общественной работе, посещает собрания, работает в совете или в союзе. Семья либо незаметно сходит на нет, либо же конфликты на почве отсутствия семейного уюта накапливаются, вызывают взаимное раздражение и — разрыв» [Троцкий 1923: 35—36].

Сложность семейного вопроса в Советской России, как видим, в 1923 г. достигает предельной остроты. Л. Троцкий не только проводит тогда серию совещаний с агитаторами-массовиками, но и публикует несколько брошюр, в которых приводит стенограммы острой полемики по обсуждаемым вопросам. Все это — на фоне идей Кремля о новом уголовном кодексе и кодексе о семье; на фоне брошюр Л. Троцкого, обозначающих повороты в социальной политике молодого Советского государства, и брошюр А. Коллонтай, пропагандирующих идеи уже устаревающие.

Тогда же началась дискуссия о новом брачном законодательстве, актуализированная на второй сессии ВЦИКа. Все это снова находит активное отражение в творчестве «деятелей культуры». А. Роом снимает «Третью Мещанскую» (другое название фильма — «Любовь втроем»). Сюжет подарил режиссеру В. Шкловский, вычитав его в газете 1923 г.: к одной женщине в роддом явились два друга-комсомольца, оба считались ее мужьями, и ничего антисоциального в том не видели. Но антисоциальность увидели в этом редакторы и «деятели культуры», ведь приближался первый год жизни советского народа по новому семейному кодексу. На этом фоне кремлевской новой идеологии пропагандистское и художественное творчество А. Коллонтай становится все менее актуальным.

К сожалению, сама А. Коллонтай этого не понимала. Даже несмотря на откровенные критические оценки и ее рассказов, и ее пьес. В том числе пьесы «Любовь пчел трудовых», которую попытался поставить Н. Крашенинников [Коллонтай 1923; Крашенинников]. В 1924 г. Ф. Буднев выступит с рецензией, по сути, на все художественное творчество А. Коллонтай в статье с говорящим названием «Половая революция». Он напишет: «Теперь о художественной ценности рассказов книги „Любовь пчел трудовых“. Как художник, А. Коллонтай чрезвычайно слаба. Краски ее палитры старомодны и, на удивление, примитивны. Удовлетворительный рисунок ей удается, когда она ведет рассказ от первого лица. И уже совершенную беспо-

мощность проявляет художник, когда пробует перешагнуть эти формальные рамки в рассказе-романе „Василиса Малыгина“. Роман страшно растянут, переполнен ненужными вводными эпизодами и сценами (утомительные описания завтраков, обедов, ужинов; описание посетителей и их разговоров в приемной секретаря губкома, и десятки других ненужных разговорных пустяков). Художник, что называется, потонул в мелочах и деталях. При сжатости и некотором изменении ритма в изложении, роман много выиграл бы. Кроме того, все рассказы пропитаны приторным сентиментализмом, часто граничащим с приторностью сусальной конфетки <...> По замыслу автора, Василиса Малыгина — женщина-партиец, вышедшая из рабочих низов. Она политический борец и борец со старыми половыми предрассудками. Она хочет понять физиологическую природу мужчины-мужа. Она опрокидывает старые понятия о муже, когда он ей изменяет с другими женщинами. Физиологической природой самца она оправдывает его измены. Она ценит в муже „не это“, а кое-что другое — любовь, основанную на одинаковости интересов борьбы, одинаковости классовых идеалов, сродства душ. Она хочет стать на голову выше современных общественных понятий о муже и жене. Она хочет стать героем новой половой морали. А благодаря напущенному в роман сентиментализму и привкусу сусальной конфетки, из закаленного борца Василисы Малыгиной получается самая обыкновенная, хнычущая интеллигентка; всех обнимающая, даже своих соперниц, и всех прощающая. Сплошное какое-то христианское смиренномудрие, аскетизм и всепрощение. С этой стороны все три рассказа Коллонтай — художественно слабы. Нет художественной монолитности. Везде сквозит какой-то художественный дуализм. Затем: во всяком художественном произведении ценно совпадение ритма жизни и ритма художественного языка. В рассказах Коллонтай — этого нет. Своим старомодным тягучим языком она не отразила бешеного темпа современной жизни. Это противоречие особенно бросается в глаза в «Василисе Малыгиной», занимающей 4/5 всей книги» [Буднев 1924: 243—248].

Пьеса, по понятным причинам, на сцене не пошла. А сама А. Коллонтай так и не поняла, что ее во многом автобиографически отрефлектированные сочинения на фоне принципов «новой жизни», декларируемых Кремлем, для читателя перестали представлять интерес. В стране стремительно менялся весь идеологический контекст.

КОНТЕКСТ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ

Выше мы упомянули об увлеченности молодой А. Коллонтай Лениным и о рабочих связях с ним в эмиграции. В духе эмансипационных настроений эпохи, повторимся, она активно писала статьи и призывала народ к сексуальной революции, пропагандировала так называемую теорию «стакана воды». По мнению Д. Хили, когда в октябре 1917 г. к власти пришли большевики, они унаследовали весь спектр либеральных и левацких взглядов на вставшую перед ними сексуальную революцию. Неудивительно, что их реакция на сексуальные вопросы как в правовом, так и в административном плане отразила все это многообразие. Казалось бы, возобладать должен был господствующий в русском марксизме аскетический подход к сексу и проникнутый рационализмом взгляд на человеческую сексуальную энергию как способную быть направленной на решение общественных задач. Но революционные идеалы оказались расцвеченными либертарианскими красками, что мотивировало тех, кто не только рассуждал, но практиковал весь спектр разрекламированных европейскими научными, культурными и социальными кругами представлений и возможностей сексуального поведения [Хили 2008: 142].

Вернемся, однако, к Владимиру Ильичу. На сексуальность Ленин вначале смотрел скорее с позиций рационализма, чем либертарианства. В 1915 г. в переписке с И. Арманд Ленин с прямолинейной ясностью высказал свое отношение к пониманию «свободы любви»: «Свобода от материальных и финансовых расчетов в деле любви — это важнейшее для пролетариев <...> в будущем любовь освободится от пут религиозных предрассудков, патриархального и социального уклада, закона, полиции, судов» [Ленин 1964: 51—52].

Но это было в 1915 г. А в 1920-м он встретится с Кларой Цеткин. Это уже Ленин стареющий. Из их беседы следует несколько иная оценка пореволюционной ситуации. Ленин говорил о том, что нельзя считать радости секса личным делом. Стенограмма фиксирует его слова: «Теория о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды, — это теория совершенно не марксистская и сверх того противообщественная» [Цеткин 1970: 22].

Из этой логики развития событий становится понятна ситуация, сложившаяся к началу 20-х гг.: Ленин начал говорить о том, что разрешение всех вопросов, связанных с понятием свободной любви, следует ожи-

дать не раньше полной перестройки пролетариатом материального порядка. Эту мысль, зафиксированную в записных книжках той же К. Цеткин [Цеткин 1970: 58], можно считать косвенной реакцией на брошюру А. Коллонтай «Семья и коммунистическое государство», в которой проявляется агрессивное непонимание меняющейся на глазах ситуации в Советской России: «Откуда же берется это непростительное наше равнодушие к одной из существенных задач рабочего класса. Как объяснить себе то лицемерное отнесение „сексуальной проблемы“ к числу „дел семейных“, на которые нет надобности затрачивать коллективных сил и внимания? Как будто отношения между полами и выработка морального кодекса, регулирующего эти отношения, не являлось на всем протяжении истории одним из неизменных моментов социальной борьбы. Однако стоит говорить о „пролетарской этике“ и „пролетарской сексуальной морали“, чтобы натолкнуться на шаблонное возражение: пролетарская половая мораль — есть не более, как „надстройка“; раньше, чем изменится вся экономическая база, ей не может быть места. Весь опыт истории учит нас, что выработка идеологии социальной группы, а следовательно, и сексуальной морали, совершается в самом процессе многотрудной борьбы данной группы с враждебными социальными силами» [Коллонтай 1920а: 18—19].

Как видим, Кремль продолжал какое-то время после революции и во время Гражданской войны оставаться фоном ее литературно-пропагандистской работы. Однако дискурсивный вакуум, порожденный революцией и Гражданской войной, как мы уже говорили, постепенно заполнялся. Вектор изменений шел от переломного 1917 г., открывшего массу возможностей, к первому Уголовному кодексу Советской России 1922 г. — все того же 1922 г., эти возможности ограничившего и регулирующего. В Кремле начали выработать своеобразный *lex sexualis*. Для этого была создана даже Центральная контрольная комиссия, своеобразное «сексуальное бюро» [Золотоносов 1999: 458]. Жизнь советского человека заполнялась внятными идеологическим дискурсом. Синкретизм интеллектуальных конструкций сменился позднеленинско-сталинской системой гендерных и семейных отношений. Сумбур в идеологических отношениях к сексуально-гендерной нестабильности в общественном сознании (в том числе периода НЭПа) сменился лозунгами и конкретностями первой пятилетки.

В. Беньямин в своем «Московском дневнике» писал: «Предпринята попытка при-

остановить в государственной жизни динамику революционного процесса — желают того или нет, но начался процесс реставрации, однако несмотря на это революционную энергию стараются сохранить в молодежи, словно электроэнергию в батарее» [Беньямин 1997: 78]. Когда разрешено было сатирически отображать отдельные «перегибы» в строительстве нового общества, в упомянутом выше «Мандате» Н. Эрдмана прозвучат со сцены слова Надежды Петровны: «Да когда же настанет это старое время».

Сталинизм возродил и укрепил исконное представление о различиях между мужской и женскими формами сексуальности. Уголовный кодекс 1922 г. стал первым шагом на пути отказа советской власти от принципа сексуальной революции не на словах, а на деле. Дискурс перерос в практику. Вот как описывает этот процесс Д. Хили: «Предполагалось, что в конце концов пролетариат, гендер и город преобразятся, изгнав буржуазных дегенератов, затаившихся в тайных притонах и салонах, жизнь обновится. Женщинам в этом отводилась вновь особая роль. В производственной сфере эмансипация поощрялась. Тем временем движение общественниц пропагандировало фемининный идеал. Две тенденции сосуществовали в непростом моральном равновесии. Героизм личного самосовершенствования и достижений в труде, с одной стороны, и преисполненная долгая забота о привнесении культуры во все сферы жизни — с другой. Культ материнства был вызван к жизни, чтобы устранить крайности маскулинизации. Опыт материнства объединял общественниц и женщин, работающих у станка» [Хили 2008: 248].

Сталинская семейная политика породила принудительную гетеросексуальность, которая сопровождалась призывами к повышению рождаемости на фоне демографического спада начала 20-х гг. и постоянно маячившей на горизонте новой войны. С 1922 г. зарождается новая дискурсивная практика: нормальным молодым девушкам постоянно напоминали слова Ленина о то, что их свобода любить не является свободой от серьезной любви, от деторождения, а культ материнства должен напоминать ей о цели ее сексуальности.

АВТОПОРТРЕТ КАК КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ КОЛЛАЖ

Итак, в 1922 г. жизнь начнет меняться. Пока же А. Коллонтай широкими мазками рисует с себя портрет новой женщины — современницы и женщины будущего. Она сама и женщина в ее брошюрах верят в счастливые социальные изменения. Зазву-

чит моральный пафос: надоело бесконечное упадническое и декадентское разочарование в человеке и мире. Нужен анализ зла — социального, исторического и политического. Он будет подробно дан в лекциях, прочитанных А. Коллонтай в университете им. Я. Свердлова: от роли и положения женщины при первобытном коммунизме до движения феминисток и участия работниц в классовой борьбе, от женского труда военного времени до революционного быта и революционных нравов и перспектив женского труда. «Революция не только вывела женщину на простор общественной жизни из замкнутой, душной атмосферы семьи, но и с невероятной быстротой привила ей чувство связи с коллективом» [Коллонтай 1922а: 183].

Вырисовывается обобщенное лицо «новой женщины», списанное с самой себя: «С момента образования Советов работницы и крестьянки являлись деятельными их членами. Во всероссийском масштабе женщина была членом Совнаркома, Народным Комиссаром Социального Обеспечения... Многие коммунистки состоят членами коллегии наркоматов, не говоря уже о заведующих советскими отделами. Таких работников нового, советского строя мог так поспешно выковать лишь молот коммунизма на жарком пламени революционной борьбы» [Коллонтай 1922а: 200].

В этой стилистике, списывая разнообразные женские образы и персонажей своих брошюр, той же Василисы Малыгиной, как будто с себя самой, А. Коллонтай будет писать постоянно [Коллонтай 1920в; Коллонтай 1920д; Коллонтай 1921а; Коллонтай 1921г].

«Мы — такие же борцы и гражданки, как наши товарищи-мужчины. Мы не боимся опасности ради великого дела освобождения рабочих. Нам бы винтовку на плечо, да на фронт. Работницам и крестьянкам, которые так рассуждают, нет запрета выполнить свое заветное желание» [Коллонтай 1919г: 26].

На этом фоне конструктивистки стирается дистанция между полами, принимая искривленное измерение.

«Семья перестает быть необходимостью, как для самих членов семьи, так и для государства. Прежняя форма семьи становится только обузой <...> Но не только семья, домашнее хозяйство тоже перестает быть необходимым <...> Да и воспитание детей — дело государства <...> На месте эгоистической замкнутой семейной ячейки вырастает большая всемирная трудовая семья, где все трудящиеся, мужчины и женщины, станут прежде всего братьями и товарищами. Вот какую форму общения должно будет принять в коммунистическом строе

общение между мужчиной и женщиной. Но именно эта форма гарантирует человечеству расцвет тех радостей свободной любви...» [Коллонтай 1920а: 9—10, 15, 24].

Если попытаться визуализировать мечты А. Коллонтай, речь идет, напомним, об автопортрете, то в памяти всплывают иллюстрации А. Родченко к упомянутой выше поэме В. Маяковского «Про это»: некий автопортрет в духе конструктивизма, но не живописный, а фотографический, в духе «нового видения», причем монохромного, в стилистике начала 20-х гг. С этого автопортрета на нас глядит женщина, которая выглядывает из-за бюста Ленина, на том же автопортрете — аллегии стертых метафор: свинцовые мерзости русской жизни, русская удаль. Автопортрет говорит со зрителем: жизнь еще слишком дика, чтобы ее образумить, но ее нужно, скорее, по-женски вобрать в себя, чем отвергнуть, с присущим русской культуре нетерпением.

Так это рельефно выступает из текста: «Женский мир, как и мир мужской, разделен на два лагеря: один <...> примыкает к классам буржуазным, другой тесно связан с пролетариатом <...> Цель феминисток — возможно лучше устроить женщин <...> определенной социальной категории в современном эксплуататорском мире <...> Цель пролетарок — заменить старое антагонистическое классовое общество новым светлым храмом труда и братской солидарности» [Коллонтай 1919в: 3, 9; Коллонтай 1920в: 8].

Такой виртуальный автопортрет полностью соответствует новой пореволюционной словесности. Напомним, что А. Коллонтай писала не только пропагандистские брошюры, но и литературные произведения, которые, правда, также преследовали пропагандистские цели: «Большая любовь», «Василиса Малыгина», «Сестры». В ее художественной словесности можно видеть усиление эротической стихии. Это станет стилистическим знаком времени. Женщина противопоставляет насилию эротического действия не целомудренность или скромность мифологемной тургеневской девушки, но перекодирование страсти на жизнотворчество.

«За последние недели у Наташи накопилось особенно много спешного дела, требовавшего внимания, напряжения всех сил. От его исхода многое зависело. Как всегда, вокруг живого дела сгруппировались и живые, преданные ему люди.

Рабочая деловая атмосфера стала давать Наташе новое удовлетворение. Она ощущала себя винтиком в общем, дружно завертывшемся механизме. Она была нужна.

И эта нужность сказывалась в более теплом отношении к ней друзей-соратников. Наташа стала „оттаивать“, и смех ее неожиданно звонко несся вдоль темного коридора скучной, деловой квартиры. А соратники улыбались» [Коллонтай 1923: 97—98].

А. Коллонтай не даром прозвали валькирией — «валькирией революции». С автопортрета на нас смотрит охотница за душами. Душа молодой советской женщины заботит ее, что сопровождается недовольством сексуальной идеологией партии, застывшей на уровне западного Просвещения. Это прочитывается в брошюре «Проституция и меры борьбы с ней».

«Проституция в нашей советской трудовой республике — это прямое наследие буржуазно-капиталистического прошлого, где только незначительная часть женщин занята была производительным трудом на народное хозяйство, а громадное число, более половины женского населения, жило за счет труда мужа, или отца, кормильца-мужчины» [Коллонтай 1921б: 12].

Автопортрет предлагает зрителю-читателю расширение зоны созерцания: от конкретики деталей до концептуальных обобщений. В брошюре «Новая мораль и рабочий класс», изданной в 1919 г., А. Коллонтай будет воссоздавать образы женщин из произведений Г. Гауптмана и Т. Манна, Г. Мейзель-Хесс и Т. Щепкиной-Куперник, примеряя их на себя. Обращаясь со своего автопортрета к читателю-зрителю на языке революции, А. Коллонтай объявит женщину равноправной, но не сможет сделать ее равноправной, объявит о пересмотре отношений между полами, но не сможет понять позднеленинско-сталинских политических и экономических реформ. Объявит о новых качествах, которые должна воспитать в себе «новая женщина»: побеждать свои эмоции и выработать внутреннюю самодисциплину; проявлять уважение к свободам и чувствам других, желать и искать бережного отношения к своей личности, к своей душе, не выносить проявления деспотизма. Вот лишь некоторые цитаты: «Современная, новая женщина не только не боится самостоятельности, но и научается ею дорожить по мере того, как интересы ее все шире и шире выходят за пределы семьи, дома, любви»; «Новая женщина не скрывает своей сексуальности, она против „двойной морали“ в отношении с мужчиной» [Коллонтай 1921: 3; Коллонтай 1920г: 21].

Однако упомянутые выше прообразы художественной словесности того времени свидетельствовали уже о несостоятельности авангардистской идентичности как *modus*

vivendi. По сути это начало выпадения из новой культуры, выпадения, все чаще ассоциирующегося с русским авангардом — хармсовским «выпадением из окна старушек». По словам Ж. Жаккара, авангард в лице А. Коллонтай дошел до конца системы, выработанной в начале 20-х, но по дороге ценности посылок были опрокинуты, и ожидаемый амбициозный результат превратился в метафизический хаос [Жаккар 1995: 250]. Этого Кремль, разумеется, допустить не мог. «Хаос» должен был быть превращен в «космос», т. е. в новый порядок, что так чутко в свое время в ранних философских работах 20-х гг. отразил А. Ф. Лосев.

На этом фоне тексты А. Коллонтай, рисующей с себя портрет новой женщины, приобретают, как ни странно, некоторые архаические черты иллюстративности. Так происходит в брошюре «Общество и материнство»: «Необеспеченность миллионов женщин-матерей и отсутствие попечения о младенцах со стороны общества создают всю остроту современного конфликта о несовместимости профессионального труда женщины и материнства, конфликта, лежащего в основе всей материнской проблемы. Стонет работница под семейным ярмом, изнемогает она под тяжестью тройных обязанностей: профессиональной работницы, хозяйки и матери» [Коллонтай 1921в: 7].

То же касается и образа, вернее, автообраза «холостой женщины» с новым психологическим складом, с новыми запросами. Этим женщинам не чужды любовные переживания, более того, они постоянно находятся в поисках недостижимого идеала: гармонии страсти и душевной близости, совмещения любви со свободой, соединения товарищества с обоюдной независимостью [Коллонтай 1919б: 21].

Обычная жизнь, «жизнь как жизнь», которая проходит фоном на автопортрете за бюстом Ленина, приобретает все типовые черты мещанства: прикованность к домашнему быту, мечты о семье, забота о детях и их воспитании. Но это не все: на том же фоне возникает образ мужчины как коллективный образ вины. С немой вопросом: от кого рожать? Ведь мужчины перестают быть характерами, это теперь привилегия женщин.

«Лозунг, брошенный в широкие женские массы трудовой республикой: „Будь матерью и не только для своего ребенка, но и для всех детей рабочих и крестьян“ — должен научить трудящихся женщин *по-новому* подходить к материнству» [Коллонтай 1919а: 113].

Советские женщины пореволюционных годов, списывая свой образ с автопортрета

«валькирии революции», быстро прошли стадию освобождения от табу. Выявили несостоятельность мужчин, заместили их общественной функцией, попробовали наркотики, научились ругаться матом. Тем самым реализовали вековечную мечту — они сравнялись с мужчинами. Прошел период раскрепощения. Но тут же выясняется, что проблема материнства — это проблема общественно значимая, от которой зависит состояние трудовых и военных ресурсов государства. Следовательно, материнство должно вменяться в обязанности женщин. Здесь речь идет, по сути, о создании системы государственного патриархата. Государство обязывает женщину рожать в интересах трудовой республики для обеспечения непрерывного притока свежих работников в будущем.

Лишь господствующий в те годы конструктивистский подход в живописи, фотографии и словесности позволяет А. Коллонтай поместить на автопортрете следующий «кусочек» текста: «К вопросу обеспечения материнства Советская Россия подошла с точки зрения основной задачи трудреспублики: развития производительных сил страны, подъема и восстановления производства. <...> освободить возможно большее число трудовых сил от непроизводительного труда, умело использовать в целях хозяйственного воспроизводства все наличие рабочих рук; во-вторых, обеспечить трудовой республике непрерывный приток свежих работников в будущем... Трудовая республика подходит к женщине прежде всего как к трудовой силе, единице живого труда; функцию материнства она рассматривает как весьма важную, но дополнительную задачу, притом задачу не частно-семейную, а также социальную» [Коллонтай 1920б: 10—11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках господствующей конструктивистской эстетики и на фоне идеологических «колебаний линии партии», а именно Кремля, А. Коллонтай удавалось до начала 20-х моделировать действительность. Все бы ничего, если бы не новые контексты — идеологические, биографические и интеллектуальные. Становилось ясно: пока, по мысли Ленина, не будет завершена перестройка всего материального порядка, ничего изменить нельзя. На автопортрете А. Коллонтай «слева» материализуются фантомы обманутых ожиданий. Становится видна Советская Россия, которую пока изменить нельзя. Всё на фоне — ближнем и дальнем — мечтает о самосохранении. На фоне автопортрета А. Коллонтай проступает груп-

повой коллаж поколения с тоской в глазах по «старому новому времени». На отрывном календаре — 1922 год.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев, В. Н. Фамусов — исполнение мечты (фрагмент тотального комментария к грибоедовскому «Горю от ума») / В. Н. Базылев. — Текст : непосредственный // Русская словесность. — 2019. — № 2. — С. 42—55.

2. Беньямин, В. Московский дневник / В. Беньямин. — Москва : Ad Marginem, 1997. — 224 с. — Текст : непосредственный.

3. Буднев, Ф. Половая революция / Ф. Буднев. — Текст : непосредственный // На посту. — 1924. — № 1. — С. 243—248.

4. Вайль, П. Стихи про меня / П. Вайль. — Москва : Ко-Либри : Азбука-Аттикус, 2011. — 688 с. — Текст : непосредственный.

5. Жаккар, Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Ж.-Ф. Жаккар. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1995. — 471 с. — Текст : непосредственный.

6. Золотоносов, М. Н. Слово и тело. Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX—XX веков / М. Н. Золотоносов. — Москва : Ладомир, 1999. — 830 с. — Текст : непосредственный.

7. Иткина, А. М. Революционер, трибун, дипломат: страницы жизни А. М. Коллонтай / А. М. Иткина. — Москва : Политиздат, 1970. — 287 с. — Текст : непосредственный.

8. Ицелев, Л. И. Александра Коллонтай — дипломат и куртизанка: грезы пчелы трудовой / Л. И. Ицелев. — Тель-Авив : Зеркало, 1987. — 321 с. — Текст : непосредственный.

9. Коллонтай, А. М. Новая женщина / А. М. Коллонтай. — Петроград : [б. и.], 1919а. — 185 с. — Текст : непосредственный.

10. Коллонтай, А. М. Новая мораль и рабочий класс / А. М. Коллонтай. — Москва : Всерос. центр. испол. ком. сов. р. к. и к. д., 1919б. — 61 с. — Текст : непосредственный.

11. Коллонтай, А. М. Работница-мать / А. М. Коллонтай. — Тамбов : Тамбовское агентство В. Ц. И. К., 1919в. — 29 с. — Текст : непосредственный.

12. Коллонтай, А. М. Работницы, крестьянки и Красный фронт / А. М. Коллонтай. — Москва : В. Ц. И. К. Совет Р., С., К. и К. Депут., 1919г. — 32 с. — Текст : непосредственный.

13. Коллонтай, А. М. Семья и коммунистическое государство / А. М. Коллонтай. — Москва : Гос. изд-во, 1920а. — 49 с. — Текст : непосредственный.

14. Коллонтай, А. М. За три года / А. М. Коллонтай. — Москва : Гос. изд-во, 1920б. — 16 с. — Текст : непосредственный.

15. Коллонтай, А. М. Работница за год революции / А. М. Коллонтай. — Одесса : Губ. отд. печати, 1920в. — 16 с. — Текст : непосредственный.

16. Коллонтай, А. М. К истории движения работниц в России / А. М. Коллонтай. — Одесса : Изд. Губернского отдела печати, 1920г. — 32 с. — Текст : непосредственный.

17. Коллонтай, А. М. Как борются работницы за свои права / А. М. Коллонтай. — Ташкент : Туркестанск. гос. изд-во, 1920д. — 30 с. — Текст : непосредственный.

18. Коллонтай, А. М. Из моей жизни и работы / А. М. Коллонтай. — Одесса : Всеукраинское гос. изд-во, 1921а. — 55 с. — Текст : непосредственный.

19. Коллонтай, А. М. Проституция и меры борьбы с ней / А. М. Коллонтай. — Москва : Гос. изд-во, 1921б. — 23 с. — Текст : непосредственный.

20. Коллонтай, А. М. Общество и материнство / А. М. Коллонтай. — Москва : Гос. изд-во, 1921в. — 18 с. — Текст : непосредственный.

21. Коллонтай, А. М. Работница и крестьянка в Советской России / А. М. Коллонтай. — Петроград : Междунар. секретариат по работе среди женщин при Исполкоме Коминтерна, 1921г. — 48 с. — Текст : непосредственный.

22. Коллонтай, А. М. Положение женщины в эволюции хозяйства: лекции, читанные в Университете имени Я. М. Свердлова / А. М. Коллонтай. — Москва : Гос. изд-во, 1922а. — 208 с. — Текст : непосредственный.

23. Коллонтай, А. М. Скоро (через 48 лет) / А. М. Коллонтай. — Омск : Изд-во Сиббюро Ц. К. Р. К. С. М., 1922б. — 12 с. — Текст : непосредственный.

24. Коллонтай, А. М. Любовь пчел трудовых / А. М. Коллонтай. — Москва : Госиздат, 1923. — 120 с. — Текст : непосредственный.

25. Крашенинников, Н. А. Васа: Любовь пчел трудовых: Пьеса из совр. жизни в 4 действ. с прологом и эпилогом по роману А. М. Коллонтай и Н. А. Крашенинникова / Н. А. Крашенинников. — Москва : Театропечать, [б.г.]. — 101 с. — Текст : непосредственный.

26. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 49 / В. И. Ленин. — Изд. 5-е. — Москва : Политиздат, 1964. — 560 с. — Текст : непосредственный.

27. Мандельштам, Н. Я. Мой муж — Осип Мандельштам / Н. Я. Мандельштам. — Москва : АСТ, 2013. — 480 с. — Текст : непосредственный.

28. Млечин, Л. М. Коллонтай / Л. М. Млечин. — Москва : Молодая гвардия, 2013. — 478 с. — Текст : непосредственный.

29. Соколов, Б. В. Александра Коллонтай. Валькирия и блудница революции / Б. В. Соколов. — Москва : Вече, 2014. — 280 с. — Текст : непосредственный.


30. Троцкий, Л. Д. Вопросы быта / Л. Д. Троцкий. — Москва : Красная Новь, 1923. — 163 с. — Текст : непосредственный.


31. Хили, Д. Гомосексуальное влечение в революционной России. Регулирование сексуально-гендерного диссидентства / Д. Хили. — Москва : Ладомир, 2008. — 620 с. — Текст : непосредственный.

32. Цеткин, К. Воспоминания о Ленине. В 5 т. Т. 5 / К. Цеткин. — Москва : Политиздат, 1970. — 240 с. — Текст : непосредственный.

V. N. Bazylev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8952-9485 

 E-mail: v-bazylev@inbox.ru.

Erotic Self-Portrait Against the Background of the Kremlin: Alexandra Kollontai

ABSTRACT. *The article is written as a continuation of a series of publications about Soviet political figures. It continues a series of psychopolitical analyses of self-portraits of that era. Previous articles by the author were devoted to such party and state figures as Lazar Kaganovich and Nikita Khrushchev, Leonid Brezhnev and Mikhail Gorbachev, Andrey Gromyko and Kirsan Ilyumzhinov, Leonid Kuchma and Askar Akayev. This article is devoted to the answer to the question: why does the propaganda and fiction discourse of A. Kollontai cease to be ideologically and politically demanded in 1922? Typical comments in the biographies of A. Kollontai contain the following explanations: a simple statement of the fact — "the attack on A. Kollontai and her ideas began in 1923", or the consequences of the discussion about trade unions and the participation of A. Kollontai in the so-called labor opposition. Neither, from the point of view of the author, explains the linguocultural situation. The hypothesis and the results of the study indicate that the ideologically popular image of the new*

Soviet woman, whom A. Kollontai "drew" from herself, objectifying her self-portrait, contradicts the new ideological policy of the Soviet government, which is expressed in the new Criminal Code and the new Family Code.

KEYWORDS: *autobiographies of politicians; autobiographical materials; artistic propaganda discourse; political discourse; linguopersonology; new morality; speech portrait.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Bazylev Vladimir Nikolaevich, Professor, Doctor of Philology, Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Bazylev, V. N. Erotic Self-Portrait Against the Background of the Kremlin: Alexandra Kollontai / V. N. Bazylev // Political Linguistics. — 2020. — No 3 (81). — P. 12-22. — DOI 10.26170/pl20-03-01.*

REFERENCES

1. Bazylev, V. N. Famusov — the Fulfillment of a Dream (fragment of a total commentary on Griboedov's "Woe from Wit") / V. N. Bazylev. — Text : unmediated // Russian Literature. — 2019. — No. 2. — P. 42—55. [Famusov — ispolnenie mechty (fragment total'nogo kommentariya k griboedovskomu «Goryu ot uma» / V. N. Bazylev. — Tekst : neposredstvennyy // Russkaya slovesnost'. — 2019. — № 2. — S. 42—55]. — (In Rus.)
2. Ben'yamin, V. Moscow Diary / V. Benjamin. — Moscow : Ad Marginem, 1997. — 224 p. — Text : unmediated. [Moskovskiy dnevnik / V. Ben'yamin. — Moskva : Ad Marginem, 1997. — 224 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Budnev, F. Sexual Revolution / F. Budnev. — Text : unmediated // At the post. — 1924. — No. 1. — P. 243—248. [Polovaya revolyutsiya / F. Budnev. — Tekst : neposredstvennyy // Na postu. — 1924. — № 1. — S. 243—248]. — (In Rus.)
4. Vayl', P. Poems about Me / P. Vayl'. — Moscow : Colibri : ABC-Atticus, 2011. — 688 p. — Text : unmediated. [Stikhi pro menya / P. Vayl'. — Moskva : KoLibri : Azbuka-Attikus, 2011. — 688 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Jacquard, J.-F. Daniil Kharms and the End of the Russian Avant-garde / J.-F. Jacquard. — St. Petersburg : Academic Project, 1995. — 471 p. — Text : unmediated. [Daniil Kharms i konets russkogo avangarda / Zh.-F. Zhakkar. — Sankt-Peterburg : Akademicheskii proekt, 1995. — 471 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Zolotonosov, M. N. Word and Body. Sexual Aspects, Universals, Interpretations of the Russian Cultural Text of the 19th — 20th Centuries / M. N. Zolotonosov. — Moscow : Ladomir, 1999. — 830 p. — Text : unmediated. [Slovo i telo. Seksualnye aspekty, universalii, interpretatsii russkogo kul'turnogo teksta XIX—XX vekov / M. N. Zolotonosov. — Moskva : Ladomir, 1999. — 830 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
7. Itkina, A. M. Revolutionary, Stands, Diplomat: Pages of Life of A. M. Kollontai / A. M. Itkina. — Moscow : Politizdat, 1970. — 287 p. — Text : unmediated. [Revolutsioner, tribun, diplomat: stranitsy zhizni A. M. Kollontai / A. M. Itkina. — Moskva : Politizdat, 1970. — 287 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Itselev, L. I. Alexandra Kollontai — Diplomat and Courtesan: Dreams of a Labor Bee / L. I. Itselev. — Tel Aviv : The Mirror, 1987. — 321 p. — Text : unmediated. [Aleksandra Kollontai — diplomat i kurtizanka: grezy pchely trudovoy / L. I. Itselev. — Tel'-Aviv : Zerkalo, 1987. — 321 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Kollontay, A. M. New Woman / A. M. Kollontai. — Petrograd : [b. and.], 1919a. — 185 p. — Text : unmediated. [Novaya zhenshchina / A. M. Kollontay. — Petrograd : [b. i.], 1919a. — 185 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Kollontay, A. M. New Morality and the Working Class / A. M. Kollontai. — Moscow : All-Russian Centre of executive com. of Soviet R. K. and K.D., 1919b. — 61 p. — Text : unmediated. [Novaya moral' i rabochiy klass / A. M. Kollontay. — Moskva : Vseros. tsentr. ispol. kom. sov. r. k. i k. d., 1919b. — 61 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
11. Kollontay, A. M. Worker-mother / A. M. Kollontai. — Tambov : Tambov Agency V. Ts. I.K., 1919v. — 29 p. — Text : unmediated. [Rabotnitsa-mat' / A. M. Kollontay. — Tambov : Tambovskoe agentstvo V. Ts. I. K., 1919v. — 29 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
12. Kollontay, A. M. Workers, Peasant Women and the Red Front / A. M. Kollontai. — Moscow : V. Ts. I. K. Council R., S., K. and K. Deput., 1919. — 32 p. — Text : unmediated. [Rabotnitsy, krest'yanki i Krasnyy front / A. M. Kollontay. — Moskva : V. Ts. I. K. Sovet R., S., K. i K. Deput., 1919g. — 32 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
13. Kollontay, A. M. Family and the Communist State / A. M. Kollontai. — Moscow : State Publishing House, 1920a. — 49 p. — Text : unmediated. [Sem'ya i kommunisticheskoe gosudarstvo / A. M. Kollontay. — Moskva : Gos. izd-vo, 1920a. — 49 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
14. Kollontay, A. M. For Three Years / A. M. Kollontai. — Moscow : State Publishing House, 1920b. — 16 p. — Text : unmediated. [Za tri goda / A. M. Kollontay. — Moskva : Gos. izd-vo, 1920b. — 16 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
15. Kollontay, A. M. A Worker for the Year of Revolution / A. M. Kollontai. — Odessa : Gov. Dep. of Print, 1920. — 16 p. — Text : unmediated. [Rabotnitsa za god revolyutsii / A. M. Kollontay. — Odessa : Gub. otd. pechati, 1920v. — 16 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
16. Kollontay, A. M. On the History of the Movement of Women Workers in Russia / A. M. Kollontai. — Odessa : Ed. Provincial Press Department, 1920. — 32 p. — Text : unmediated. [K istorii dvizheniya rabotnits v Rossii / A. M. Kollontay. — Odessa : Izd. Gubernskogo otdela pechati, 1920g. — 32 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
17. Kollontay, A. M. How Workers Fight for Their Rights / A. M. Kollontai. — Tashkent : Turkestan State Publishing House, 1920d. — 30 s. — Text : unmediated. [Kak boryutsya rabotnitsy za svoi prava / A. M. Kollontay. — Tashkent : Turkestansk. gos. izd-vo, 1920d. — 30 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
18. Kollontay, A. M. From my Life and Work / A. M. Kollontai. — Odessa : All-Ukrainian State Publishing House, 1921a. — 55 p. — Text : unmediated. [Iz moey zhizni i raboty / A. M. Kollontay. — Odessa : Vseukrainskoe gos. izd-vo, 1921a. — 55 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
19. Kollontay, A. M. Prostitution and Measures to Combat It / A. M. Kollontai. — Moscow : State Publishing House, 1921b. — 23 p. — Text : unmediated. [Prostitutsiya i mery bor'by s ney / A. M. Kollontay. — Moskva : Gos. izd-vo, 1921b. — 23 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
20. Kollontay, A. M. Society and Motherhood / A. M. Kollontai. — Moscow : State Publishing House, 1921. — 18 p. — Text : unmediated. [Obshchestvo i materinstvo / A. M. Kollontay. — Moskva : Gos. izd-vo, 1921v. — 18 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
21. Kollontay, A. M. A Worker and a Peasant Woman in Soviet Russia / A. M. Kollontai. — Petrograd : Intern. Secretariat for Work among Women at the Executive Committee of the Comintern, 1921. — 48 p. — Text : unmediated. [Rabotnitsa i krest'yanka v Sovetskoy Rossii / A. M. Kollontay. — Petrograd : Mezhdunar. sekretariat po rabote sredi zhenshchin pri Ispolkome Komintern, 1921g. — 48 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
22. Kollontay, A. M. The Position of Women in the Evolution of the Economy: Lectures Given at the Ya. M. Sverdlov University / A. M. Kollontai. — Moscow : State Publishing House, 1922a. — 208 p. — Text : unmediated. [Polozhenie zhenshchiny v evolyutsii khozyaystva: lektsii, chitannye v Universitete imeni Ya. M. Sverdlova / A. M. Kollontay. — Moskva : Gos. izd-vo, 1922a. — 208 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
23. Kollontay, A. M. Soon (after 48 years) / A. M. Kollontai. — Omsk : Publishing House of the Siburo Ts. K.R.K. S.M., 1922b. — 12 p. — Text : unmediated. [Skoro (cherez 48 let) / A. M. Kollontay. — Omsk : Izd-vo Sibbyuro Ts. K. R. K. S. M., 1922b. — 12 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
24. Kollontay, A. M. Love of Labor Bees / A. M. Kollontai. — Moscow : State Publishing House, 1923. — 120 p. — Text : unmediated.

ated. [Lyubov' pchel trudovykh / A. M. Kollontay. — Moskva : Gosizdat, 1923. — 120 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

25. Krashennnikov, N. A. Vasya: The Love of Labor Bees: A play from contemporary life in 4 acts with a prologue and epilogue based on the novel by A. M. Kollontai and N. A. Krashennnikov / N. A. Krashennnikov. — Moscow : Theatcinemaprint, [s. a.]. — 101 p. — Text : unmediated. [Vasya: Lyubov' pchel trudovykh: P'esa iz sovr. zhizni v 4 deystv. s prologom i epilogom po romanu A. M. Kollontay i N. A. Krashennnikova / N. A. Krashennnikov. — Moskva : Teakinopechat', [b.g.]. — 101 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

26. Lenin, V. I. Complete Works. V. 49 / V. I. Lenin. — Ed. 5th. — Moscow : Politizdat, 1964. — 560 p. — Text : unmediated. [Polnoe sobranie sochineniy. T. 49 / V. I. Lenin. — Izd. 5-e. — Moskva : Politizdat, 1964. — 560 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

27. Mandel'shtam, N. Ya. My Husband is Osip Mandel'shtam / N. Ya. Mandel'shtam. — Moscow : AST, 2013. — 480 p. — Text : unmediated. [Moy muzh — Osip Mandel'shtam / N. Ya. Mandel'shtam. — Moskva : AST, 2013. — 480 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

28. Mlechin, L. M. Kollontai / L. M. Mlechin. — Moscow : Young Guard, 2013. — 478 p. — Text : unmediated. [Kollontay /

L. M. Mlechin. — Moskva : Molodaya gvardiya, 2013. — 478 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

29. Sokolov, B. V. Alexandra Kollontai. The Valkyrie and the Harlot of the Revolution / B. V. Sokolov. — Moscow : Veche, 2014. — 280 p. — Text : unmediated. [Aleksandra Kollontay. Val'kiriya i bludnitsa revolyutsii / B. V. Sokolov. — Moskva : Veche, 2014. — 280 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

30. Trotsky, L. D. Issues of Life / L. D. Trotsky. — Moscow : Krasnaya Nov, 1923. — 163 p. — Text : unmediated. [Voprosy byta / L. D. Trotskiy. — Moskva : Krasnaya Nov', 1923. — 163 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

31. Healy, D. Homosexual Attraction in Revolutionary Russia. Regulation of Sexual-Gender Dissidentism / D. Healy. — Moscow : Lodomir, 2008. — 620 p. — Text : unmediated. [Gomoseksual'noe vlechenie v revolyutsionnoy Rossii. Regulirovanie seksual'no-gendernogo dissidentstva / D. Khili. — Moskva : Lodomir, 2008. — 620 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

32. Tsetkin, K. Memoirs of Lenin. In 5 vol. Vol. 5 / K. Tsetkin. — Moscow : Politizdat, 1970. — 240 p. — Text : unmediated. [Vospominaniya o Lenine. V 5 t. T. 5 / K. Tsetkin. — Moskva : Politizdat, 1970. — 240 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)